

2015 №11

Юлия Кокошко

Юлия Кокошко — прозаик, поэт, автор книг «В садах» (1995), «Приближение к ненаписанному» (2000), «Совершенные лжесвидетельства» (2003), «Шествовать. Прихватить рог» (2008), «За мной следят дым и песок» (2014). Печаталась в журналах «Знамя», «НЛО», «Урал», «Уральская новь» и др. Лауреат премий им. Андрея Белого и им. Павла Бажова.

И время — первый гость…

Стихи

«»

***

Ночной незваный в постных башмаках,
зубривших немоту в каких-нибудь песках,
шлифующих лишь осыпь и острастку,
прошел мой сон насквозь — от хлябей до стропил,
от рыбьих луз до раковин зеркал,

не удостоив кротких и слепых
ни хлебного шалома, ни акрид,
ни вести и тисков священной брани —
до данной в ощущениях зари,
отпущенной нам в розлив или в розжиг,
а меж листами рока — в вещий розан,
ни певчего трамвайной перебранки…

и, выйдя из толпы
приснившихся, чья табель — гул и пыль,
он нам не покалечил ни стопы
(и выправил ли фразу?),
оставив переливы рек и трапез
и перезвон наклонных урн и блюд,
занесшийся над всеми виночерпий —
рассекший миражи и воды плющ,
хотя и не расстригший моль и плюш…

но тут один щегол, заноза ключ,
похерив все долги, разинул клюв —
как ни сужай — во все воронье горло
и сбросил впопыхах или вдогонку
железный зуб, вернее — отреченье
от лучшей из повешенных дверей…

Над чем теперь рыдать и что стеречь
конфузному пенату — приму-дверь,
и крышу, и фасон ее — корону?
Когда не упылившая в отвес,
удравшая за присными дорога…
Карандаши фабрики Сакко и Ванцетти

Волокиты крепчающей, пухнущей грифельной вязи,
вознося кружевницу выше любой дороги,
подхватив ее прядь и мушку, каприз и веселье розы,
так стояли копьеносцы — карандаши моих лет,
формирование Долгие Вязы,
пламя моря, пунцовый писака и выкатанный в смоле,
сомкнутые в шеренги, в фаланги, в коробки —
в амфитеатр воздыхателей и стрелков, в концертный хор,
разводящий Иерихон,
и, случившись враскачку — вровень
с пикниками лета, с пшютоватым Шенбруннским парком,
вдруг взрывали пандус
и ссыпали его в чистейший грохот,
прямо в лапы глотателям муз,
а теперь все Сакко и все Ванцетти, эти бравые парни —
голубой меланхолик и черный хитрец-баламут —
отворачивают носы
в стойкий ворот кружев, в отлипающие усы:
бывший солнечный первый ряд —
снег под лесом, летящий лев и туманный брат,
снаряженье рубинов и карминов,
тенора, альты, а над ними в расщепах вечного мирта —

Дон Жуаны и Эскамильо,
и уже наступают — коричневые рубашки: вороной, Местечкин —
цвет для мамы, бабушки, тети Сони… смертельный.
Все желали раздать свое богатство —
непреклонно сноситься до огарка,
как пыж, оставляющий рогатку,
как парус, кинувший полоротую гавань.

К Колеусу

Кто это был среди дурных замашек,
возрос и здесь влачился налегке?
Мой бедный приживальщик — на шнурке
от кущей, голоштанная команда:
орленок из рожка многородящей
гражданки Флоры, спутницы бродяжек,
из тонкошеих, дик и перепончат,
все россказни и просьбы на запоре,
на шорохе, на гладком пустяке…
Кормящийся присутствием аскет —
так редко нисходивший к водопою
Приколеус… не чаще правки позы.

Зазеленевший в нетях малый лис —
и, не сносив подшитый к телу лист,
ни стопку прочей клади,
припудрившей колтун и кринолин,
и взоры с мачты в поиске земли,
был оснащен засохшими крылами
и хитростью — содрать и стол, и пост.
Однажды — порск!..
Хотя не исключен исход на месте —
не то в обетования пропойц,
не то в вольнолюбивых безземельных,
вложившихся лишь в тайные желанья,
нескромная попытка
ввернуться в королевский бархат пыли,
спаяться с неотвязностью измены,
качаться в темном зрителе комедий
и в позументе.

***

Карлица лилия роз — в петухах февраля,
передрассветная голь и святая-заморыш —
в полах аллеи с усопшей в снегу раскадровкой,
в поры артели посыльных — вселенских гуляк:
кликнуты из вездесущих на пол-обормота,
выгнуты из затемненья на треть оборота,
чтобы вступили на утренний форс в тополя,
перетянулись на поприще дюжих пилястр
из винторогих,

с их амплитудой и выправкой в темных ролях…

Лилия-Роза, чудачка, сестра Верхогляд
над перебитыми влет ундервудами снега,
в дальних верховьях, крещенная рамой ночлега,
перескочив парадиз за повесой лорнеткой,
чтобы повиснуть в обугленных шпицах аллеи —
где-то на коде, уже расторгающей мрак,
чтоб вознестись и пристать налегке к апогею,
или над гребнем клубящихся аборигенов
вдруг обнаружить в прогалинах — город растрат,
все его скобы и тросы на сотни карат,
срезы, развязки и кольца — пречистый аргентум,
от устремленья на форум до входа в тюрьму,
от размышлений о явленном граде — до мух…

И уличен ее взором, опознан сторицей —
так серебрится.

***

Наряжен день, и время — первый гость,
на чье вступленье в вышних и пологих
наполнят языки и заголовки,
постройки — кладью камня и шагов,
и стебли — кривдой, пищиком и хмелем,
возденут дым и разольют огонь,
пока не уличенный и нечеткий:
помнилось нарастание багрянца —
по вольтам захребетницы омелы,
расслабленность провинциальных линий
до вороха соломы,
воскресная палитра,
что не мирволит стае обреченных…
Почти определен призыв смотрящих —
всем вестникам и суховеям скряги,
принесшие пустячные ростки
заступницы реки —
едва на дне надорванного меха,
бесплодные молитвы —
как пронесенный драгоманом гам
на среднетарабарском —
и взорванная башня
чернявых, многокрылых и крикливых,
щербатый отсвет где-нибудь в заливе,
негаданно протекшем в рыб и гад,
расплывшихся и вовсе переставших…

Но бродит по щепе и чахнет в тайне,
подвешено в садки и ветки: где?
Уложено в узлы прошедших листьев,
равновеликих выцветшим распискам,
в пустые входы, в графику прохлады…

Перебивают имя и надел…
И что бы всем на миг не расступиться
на шелестах и трассах ауспиций,
явив, кому обещана читальня
на склоне Ада?

***

Троица певчих, один из которых — зюйд-вест,
а многоногая треть — пустобрех и липучка,
рупор бичей и лишенцев,
тянут, ссыпаясь на рыки, на гогот и шелест,
сбивчивый, пьяный, лоскутный проезд
к черному рынку, к веселой вдове и распутью,
в библиотеку, а то — напрямки к совершенству…
В горы, к повстанцам и к их благодейке луне —
или к присущей ей бледности и отпаденью…

Бухнут вразвес,
содран с брусчатки по всей переменной длине,
срезан с рассеянной девы Лазури и девы
Охры-Мехлюдии, как заскучавший карбункул,
выгрызен без воздыханий у хлебной горбуньи —
со щегольскими и всей воробьиной блохой.

Сколько ни есть женихов,
преданных этой дороге,
ждущих прибрать голубицу к ногам,
медных, серебряных — или неясной природы,
облачены в оперенье, а кто — в балахон,
или в свои амулеты — в крутые рога,
ветреников и разинь
всех захватившей призванием лучшей стези,
превознесет их на главные стороны света,
как трудоголик Сизиф,
льет из фигуры в другую, пока не развеет,
из мостовой в мостовую густой эстафеты.
Кто превосходнее трех дикоросов орфеев —
с собственной партией и зацветающей ветвью,
кто в корифеях
с личными метами: тремоло, свистом и штампом —
сразу из трюма зашкуренных статей?
Будь же у старта —
не уличенный, поющий — поющих бастардов.

***

1

Гулящие музы и ходкий мотив возвращенья
к простершим кануны, восходы и вводы пенатам…
Когда не подвязана ветвь — пресыщенье:

сбивая посуды, жующие дева и фат
ведут хоровод, маскарад, оборот и свинарню…

Когда бы не крик, радиола в окне, замедленье
и в целом стихийность любого сцепленья,
как полька и марш, занесенные в фант,
что вьется над сданными нам именами,
припущенный шелестом или изнанкой:
а ну отними, голубок, или я тебя съем! —
и вместо сошествия блудных и к этим, и к тем
диктует — исходы, рассеянье… Мне же — изгнанье
из места и случая города Эм
до чьих-то календ…

2

Расторгнуть его щегольство, изобилие, блеск,
святой тарарам.
Раздать свой улов —
и спешно сойти с его тучных углов,
его мировецких проекций, ослышек, тирад —
верхом на ядре ли, на холке визгливых телег,
не то на метле наголо…

Но некий добрейший, задобренный басней привратник
дозволит — на пальцах и вздохах, по темному краю,
туннелем на два океана… Вмахнуть на тарзанке,
протиснуться сквозь перебои в пейзаже,
условие — с запертыми глазами,
чтоб вымарать путь. Но в проворной крови отщепенцев —
запальчиво шляться по пышным проспектам,
шататься взахлеб по его оглашенным бульварам,
блаженствовать, не узнавая
ни снег, ни фасадов, ни пыльной шарашки атлантов,
ни красного плаца…

Хотя не поджечь ли во славу изгоев —
сей вечный, немыслимый город,
свалить его кровные, кровельные треуголки?
А то удушить — застоявшийся в горле?
***

Воры, доставшие оком чудесных даров,
полным лазури, когда не излишне раскосым,
или накрывшие — ухом и вечным пером,
болиголовом, застряпанным в сладкий пирог,
на каркунах, растянувших над улицей копоть,
вдруг умалились, втянулись в разломы и копи
малопорядочных золоторотцев-дворов.
Там шелестят и шныряют от сброса потерь
до нанесенных на нижние ветви находок,
злоумышляют и перецепляют проходы,
тьмы обеленных имен, лейтмотивы и темы,
и адресуются к агнцам, ослам и тихоням

из обойденного тленьем куста канители,
все убедительней всех, и какой грамотей
не приведется на куплю вселенских затей,
путаясь в их повторениях и совпаденьях,
кто не пожалует этим двудомным, двустенным
за пересыпанный гулом и звоном кимвал —
птичницу юность, и нишу, и вазу с сиделкой,
за раскатившийся над перекрестками гвалт
девы Эдема — спешащей, бегущей весны,
в чью беззаветную волю и вы внесены! —
Клятва связных:
пара препятствий уже сметены!

Вывалят в короб проныр
свой виноградник — до самой нательной струны,
вишенник снайперских косточек… или капустник —
за воспаленную солнечным золотом пустошь.

***

О теннис, милый теннис, полетим,
вложив себя в крылатку и щепотку,
в семейство мотыльковых и аркадских,
и, перещелкнув радиус и шпоры,
попутно заструимся и поскачем,
и пусть за отпадение от стрежня
летящих обшмонают и обрежут
до карлика пинг-понга,
разденут до незваных и неравных…

Польемся, как прилипчивый мотив,
на гарную игорную дубраву,
где нас не ждет любезник либертин,
и так же зелен, что и вожделен…

Падём в его густое снаряженье:
изогнутые фермы, Феб и лесть,
на вырезы листа и томность лиц,
игра на поцелуи и сожженье
коры или корыстных вензелей
натянутых на слухах корноухих
стволов и красногалстучных стволиц…
Туда, в гортанный лес с открытыми верхом,
он наново раскрашен и развернут
к играющим и к нам — на две четвертых
уволенного века:
три вздоха вглубь и отроческий вздор
скорее вдоль.

Покуда не сочли и не расторгли
священный бор — разлистанный трехтомник —
в точеных жвалах смерчей и печей,
опять разбросим пышное застолье

и выгоним огонь из всех ячей,
из бабочек, из фауны ритонов,
расставим сети, стрелы, распасы,
гранатовые яблоки мячей…
И что вы раскудахтались, часы?!

Государственное бюджетное учреждение культуры "Редакция журнала "Урал".
Учредитель – Правительство Свердловской области.
Свидетельство о регистрации №225 выдано Министерством печати и массовой информации РСФСР 17 октября 1990 г.

Журнал издаётся с января 1958 года.